

A space shuttle is shown in the process of launching, angled upwards from the bottom left towards the top right. The shuttle is white with black and orange accents. Bright orange and yellow flames and white smoke are visible at the base of the shuttle. The background is a sky with a gradient from blue at the top to orange and yellow at the bottom, suggesting a sunset or sunrise. The overall composition is dynamic and emphasizes the power of the launch.

Левсет
Дарчев

Обожжённые «Бураном»

Современная проза

16+

Левсет Насурович Дарчев

Обожженные «Бураном»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39424125

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга посвящена героическому подвигу советских летчиков-испытателей спецотряда Игоря Волка по запуску и посадке многоразового советского корабля "Буран". Мистика и документалистика позволяет прикоснуться к таинственным событиям, которые забирали жизни самых самоотверженных летчиков страны, и поставить вопрос, что же все-таки происходило на самом деле.

Содержание

Часть I	4
Подозрительный тип	4
Встреча с Шеффером на аэродроме	13
Шеффер	20
Владимир Туровец	35
Анатолий Левченко	36
Александр Щукин	37
Игорь Волк – особенная личность	37
Детство и юность	37
Ирак	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Левсет Дарчев

Обожжённые «Бураном»

Часть I

Подозрительный тип

В Москве только что прошел осенний дождь, и машина «скорой помощи» неслась по проспекту на полной скорости, прорезая колесами дождевую воду и превращая ее в плотные гребни, которые распылялись по бокам и тут же растворялись в потоки, заливая асфальт. Врачи, осмотревшие пациента и погрузившие безжизненное тело на носилки, которые затем закатили в кузов, были в легком смятении от цвета его лица и тяжести тела, несоизмеримой с его размерами.

– Заметил? – спросил один другого, нарушив молчание.

– Да.

– А что ты заметил?

Второй поднял одну бровь и уставил взгляд на коллегу.

– Это не человек, Дима, – проронил он. – Это какое-то существо. – Он подсознательно протянул руку и коснулся запястья пациента. Тело было холодное как лед.

Через несколько минут они затолкали тележку в двери

приемного покоя и вздохнули с облегчением – они избавились от человека, который нарушил их обычное рабочее внутреннее состояние.

* * *

Врач, женщина средних лет в белом халате и манометром, подвешенном на шее, подошла к кровати, пододвинула табуретку, села и взялась за руку пациента, чтобы измерить давление. Она накачала воздух в систему манометра и устала взгляд на табло – давление упало до нуля. Только потом она странно посмотрела на лицо больного – его странный вид взволновал ее: глаза плотно закрыты, дугой очерчивая шов ресниц, чубчик на лбу треугольным острием ровно по геометрии упирается в середину переносицы на сердцевидном овале необычно бледного лица. Врач откинулась назад и попросила другой манометр.

Результат – тот же. Голова закружилась, она встала и, чтобы привести свои чувства в порядок, направилась к себе в кабинет с дурными предчувствиями, дав указания помощнику сделать укол.

Не прошло и двух минут, как медсестра зашла в кабинет врача и встала на пороге со шприцом в руке и с немым ужасом в глазах.

– Что такое? – спросила врач.

Медсестра не могла вымолвить ответ, а лишь протянула

кусок ваты в сторону врача.

– Смотрите, кровь голубого цвета.

– Не может быть! – проронила врач, вставая с кресла. Она, оттолкнув в сторону застывшую медсестру, протиснулась в коридор, чтобы немедленно попасть в палату, куда поместили необычного пациента. – Кианетик, значит. Чему удивляться! Таких людей в мире насчитывается восемь тысяч, – продолжала тараторить врач на ходу, успокаивая себя. Медсестра, наконец, сдвинулась с места и поплыла вслед за врачом.

Войдя в палату, они обе застыли, перестав дышать и глядя на помятую кровать, на которой они должны были увидеть больного, но там никого не оказалось.

Врачи переглянулись.

– Гуманоид, инопланетянин, – странным голосом вымолвила Ольга. – Надо немедленно сообщить в КЭГЭБэ. Немедленно.

– И не вздумай, – порекомендовала врач.

– Почему?

– Потому что тебе никто не поверит и заберут в психушку, – пробормотала врач Неля Петровна. Она, временно погрузившись в космическое состояние, перестала верить собственным глазам. – А разве это было?

– Петровна, ты что! Ты не веришь тому, что произошло. Нет, ты как хочешь, а чувствую ответственность и должна собрать материал и сообщить об этом, – Ольга говорила пре-

рывисто и эмоционально.

– Поступай, как хочешь, Ольга, но меня, пожалуйста, не впутывай в эту историю, – взмолилась Неля Петровна, – я боюсь.

В Ольге, напротив, начал набирать силу азарт охотника и любознательность: решила докопаться в происшедшем до конца. Она сбросила халат и побежала в приемный покой, чтобы по горячим следам выведать информацию у команды «скорой помощи».

– Алло, – закричала Ольга, набрав телефон дежурной, – вызовите, пожалуйста, кого-нибудь из машины номер пятнадцать!.. Это из больницы!..

Время затянулось.

– Алло, слушаю вас, – раздался мужской голос.

– Скажите, где, в каком месте вы подобрали больного мужчину полчаса назад?

Пауза.

– Ну, в этом... в кафе «Глория» на первом этаже, – сказал доктор. – Ну, началось – я так и знал...

– Спасибо.

Ольга, погруженная в мысли, не заметила, как быстро автобус доехал до кафе, и пришла в себя, когда услышала голос водителя по микрофону, который оповестил название остановки.

Она вошла в вестибюль и поинтересовалась у вахтера.

– Извините, вы были здесь, когда «скорая помощь» заби-

рала больного? Ну, часа два назад, может быть.

Вахтер, больших размеров, в спецформе, с отвислым животом, тяжело развернулся к ней и помотал головой с тупым выражением на лице, давая понять, что ничего не понял. Ольга, судя по тому, как он повернул к ней левое ухо, решила, что он страдает нарушением слуха.

– Я говорю, отсюда забирали больного? – повторила Ольга вопрос погромче.

– Забирали, да, забирали.

– А что с ним было?

– Я не знаю, милая, что там было. Не знаю. Я не помню.

«Лечиться вам надо, – хотела сказать Ольга», – но удержалась от грубости:

– Можно, я зайду?

– Конечно, – быстро произнес вахтер, поспешно открывая входные двери в зал. – Заходите.

«Два слова, которые постоянно у него в обиходе и больше его ничего не интересует, – подумала Ольга. – Большие люди и доброта – синонимы».

Она подошла к одному из официантов. Девушка стояла между двумя столами с подносом на вытянутой руке. Прежде чем ответить, она задумалась.

– Честно сказать, я не видела, как он заходил сюда: заказывал поесть или нет, – было заметно, что девушка в черном переднике с колпаком белого цвета на голове сильно волновалась. Видимо, им досталось. – Он лежал вон там. В углу

возле розетки. Станный какой-то.

– Значит, вы хотите сказать, что никто из вас с ним не общался?

– Нет, нет, – отрицательно покачала головой девушка.

– Здесь все собрались и мы обсуждали это. Он, что умер? – спросила официантка, держа на Ольге неподвижный взгляд.

– Нет, тут – нечто другое, – сказала Ольга и развернулась, чтобы выйти из зала. Она не успела дойти до дверей, как услышала окрик за спиной:

– Подождите!

Работница кафе быстро приближалась к ней, огибая столы. В поднятой руке она держала барсетку темного цвета. Сердце Ольги ёкнуло.

– Извините, – произнесла девушка впопыхах. – Это его. Мы не успели передать ее.

Ольга заволновалась и почувствовала, как у нее по сосудам ускорилось движение крови. Прежде чем прикоснуться к барсетке, ее рука некоторое время висела в воздухе. «Что в ней? – мысли и тревоги смешались. – Что это может быть»? Она вспомнила слова врача: «Не впутывай, пожалуйста, меня в эту историю. Я боюсь».

Ольга взялась за барсетку и с удивлением почувствовала, что ее температура была выше, чем градусы окружающей среды.

– Спасибо, – проронила она, еле слыша свой голос. Она

твердым поддельным шагом выбралась на свежий воздух. С ее дыханием что-то случилось – она потеряла ритм движений, и последовательность мыслей. Она только понимала, что надо добраться домой и там открыть эту сумку. Она не сомневалась, что сделает открытие, и это будет большим подарком уфологам страны. На остановке автобуса она села на лавку, хотя знала, что та грязная. Автобус опаздывал, и она еще раз бросила взгляд на барсетку, которая лежала на коленях. Она прикоснулась к замку застежки и начала открывать. От волнения у нее пересохло в горле. Застежка открылась полностью, она раздвинула подол и, наклонив голову, заглянула внутрь – твердый лист бумаги серо-зеленого цвета. Затем она быстро выхватила лист и удивилась: странные рисунки, каракули и в столбик какие-то цифры. Она дрожащими пальцами запихнула лист обратно в сумку. «Что делать? Домой? Нет – надо в центр уфологии и попросить их расшифровать знаки. Только так. Неужели, это был контакт с иной цивилизацией. Я сделала ему укол. Боже мой – это впервые в истории человечества. Никто не поверит».

Ольга воспрянула духом, мгновенно она стала другой, уверенной, и точно рассчитала план дальнейших действий: сначала в центр, а затем расследование, потом информация в газеты. «Я этот лист никому не покажу, – решила она, – только копию».

Она так и поступила, сделав дубликат и вызвав подозрение у фотографа, который долго тер бумагу между пальцами

и подозрительно посмотрел на Ольгу.

– Что это за бумага? Здесь на ней магнитный слой. Откуда она у вас?

– Много будешь знать – быстрее состаришься, – ляпнула Ольга, расплачиваясь за работу. – До свидания!

Ольга с утра ничего не ела и, хотя в животе урчало, она не обращала на это внимания. Поиски шифровальщика привели ее в Академию наук. Особое здание, где каждый камень дышит цифрами, таинственными уравнениями. Ей пришлось долго ждать, пока женщина с очками на переносице не положила ей под нос расшифровку или перевод каракулей на человеческий язык – ряд цифр, которые ей еще ни о чем не говорили. Выйдя из здания, Ольга, осененная новой мыслью, остановилась: цифры 77, 78 постоянно повторяются. «Это годы, – решила Ольга, – и даты каких-то событий. Точно».

В библиотеке Ольга вооружилась подшивкой газет «Правда». Она несколько часов ломала голову над сопоставлением цифр и нашла закономерность и ужасающую последовательность событий: дни катастроф летчиков-испытателей. Что это? Кому сказать? Ее голова начала раскалываться от потока мыслей, которым не было конца.

– Вам плохо? – Ольга подняла голову и увидела над собой молодую девушку, которая, видимо, пришла ей помочь, заметив ее странный вид.

– Нет. Все нормально, – Ольга не слышала свой голос. Она

стала собираться домой. Глянула на часы и удивилась – она просидела в библиотеке четыре часа. Ужас. – Спасибо.

Голова продолжала думать: последние цифры «29, 10, 1988» означали событие, которое еще не состоялось, но должно состояться.

Ольга знала то, чего никто не знал. Надо было сделать последний шаг – предупредить летчиков о грядущей опасности. Это привело ее к шлагбауму военного аэродрома, где стоял ряд легковушек и не было ни одного военного. Наконец в турникете появился мужчина в летной форме.

– Извините, пожалуйста, вы не могли бы мне помочь, – произнесла Ольга.

– В чем дело? – спросил военный с видом, внушающим доверие.

– Передать эту записку в спецотряд Волка.

Военный зачитал, остолбенел и с минуту не мог открыть рот.

Вернувшись обратно в гостиницу, Юрий Шеффер набрал номер телефона коллеги по отряду Магомед Толбоева.

– Магомед, привет, старик. Ты когда вылетаешь?

– Завтра.

– Я буду ждать тебя. Есть важный разговор.

Встреча с Шеффером на аэродроме

– Нет, ты не поедешь на Байконур. Мне сказали, что там что-то должно произойти, – с ужасом в глазах, с тревогой произнесла Люба.

– Я знаю, – отшучивался Магомед. – Там должен взлететь «Буран», и я его буду сопровождать.

– Глумишься надо мной? – Срывающийся голос. – У тебя трое детей.

– Я знаю, – также холодно и пренебрежительно произнес Магомед. – Будет еще.

Люба сникла.

– Боже мой, – выдавила она. – Сколько можно жить в ожиданиях, тревогах, сомнениях. Я устала. Иногда думаю самой взлететь что ли на истребителе, чтобы пробить твою глухую стену равнодушия, чтобы ты почувствовал, что такое ожидание, тревога.

Маленький Руслан подбежал к отцу и схватил за ноги.

– Папа, меня возьмешь с собой в космос?

– Нет, не возьму, – строго по-военному ответил отец.

– Почему? – обиженно, насупившись, спросил Руслан.

– Потому что ты кашу не поел.

Глаза мальчика забегали.

– Папа, если я съем всю кастрюлю, ты меня сразу заберешишь?

– Конечно.

Руслан в одно мгновение исчез. А мама, забыв про тревоги, побежала вслед за сыном – он важнее всех тревог.

– Подожди, космонавт, – сказала она, догнав его у плиты, куда к горячей кастрюле потянулись тонкие ручонки сына. – Каша еще горячая – обожжешься.

Магомед одел куртку, нахлобучил на голову кепку, попрощался и закрыл за собой дверь – дверь своей крепости, куда он должен вернуться живым и здоровым. «Зачем тогда столько пожеланий и тостов: “Я желаю вам мягкой посадки”. Мама никогда не хотела отпускать меня из дома, но всегда хотела, чтобы я возвращался. В судьбу человек не может вмешиваться никто, а судьба может. Придет домой мой товарищ и скажет: “Вашего мужа больше нет. Твой папа больше не придет, малыш”. Этот путь сродни пути на Голгофу как тяжелейшее испытание без надежды на победу? Я разговаривал с женами погибших товарищей и не хочу, чтобы с кем-нибудь еще это повторилось».

Магомед сжимал в руках ключи от автомобиля. Сейчас он поедет на аэродром. «Стоп. А чего же от меня хочет Юрий Шеффер. “Я буду ждать тебя в кафе, нужно поболтать – тема серьезная”. О чем?»

Осень. Погода изменилась. Люди – тоже: прячутся в куртках, шапках. Интересно, что они одевали, когда еще не придумали ткани – меха, наверное. «Меховая шуба для жены. Бабушка, которая каждое утро провожала меня на скамейке

возле дворового палисадника, тоже испугалась первых заморозков и, видимо, не смогла оторваться от домашнего тепла, так что до весны не услышу ее: “Доброго дня, сынок”».

Он дошел до машины, вставил ключ в замок зажигания и задумался: «Что хочет сказать мне Шеффер? Неужели опять кто-то из отряда погиб? Не верю, хотя небо непредсказуемо и я падал, ломался, выживал», – вспоминал Магомед, пока выруливал со стоянки.

«Помпаж» на СУ-7б – красивое французское слово, а на самом деле – «Бах-бах. Ба-ба-бах». А по инструкции – это поломка в работе турбореактивного двигателя, сопровождающаяся хлопками в воздухозаборнике по причине противотока газов, дымлением выхлопа, резким падением тяги и сильной вибрацией, разрушающей двигатель. Вот так просто – воздух влетает в компрессор, а из турбины вылетает, вращая ее. В камере же сгорания топится смесь керосина и кислорода. А летчик со своими мыслями, до этого витавший где-нибудь в ресторане «Прага» или «Москва» (а в «Национале» чуть похуже...), мгновенно окунается в реальность, где жена в общежитии с двумя детьми ждет его, а тут вдруг: «брах-тарарах» – помпаж двигателя.

«Мысли прочь – я за рули. Что такое? Пернатые? Тогда это проще простого – выключаю двигатель и жду пока лопасти перетрут птицу в фарш и откроется доступ кислорода в смесь. Запускаю двигатель вновь».

Самолет рвануло вперед – газы зажглись и раскрутили

турбину еще сильнее. Потом оглушительный взрыв. Работающее крыло потянуло самолет в виток по окружности. В следующую секунду тяга пропала совсем и самолет пошел туда, откуда взлетел – к земле.

* * *

Самолет круто пошел вниз и, не дотянув до грунтовой полосы безопасности, упал на открытое поле и несколько раз перевернулся. Он видел потом обломки самолета – часть искореженного фюзеляжа, где располагалась кабина, лежала далеко от места падения самолета. Трудно было представить, как можно было выжить с многочисленными переломами грудного отдела позвоночника и переносицы и не остаться инвалидом на всю жизнь.

Он в больнице попросил доктора не сообщать об этом жене: «пусть скажут, что я укатил в командировку». Но не вышло: жена прибежала в один миг. Он тогда впервые задумался, что у его любви есть две совершенно противоположные стороны: любовь к семье и любовь к небу. Как два крыла самолета – если не будет одного из них, то он упадет так же, как упал самолет.

После аварии он впал в депрессию, не находя ответов, почему так случилось, и с нетерпением ждал результатов госкомиссии. Через месяц ему сообщили, что виноват естественный износ двигателя, что также увеличивает риск возникно-

вения помпажа. Из-за перетекания на законцовках лопаток вследствие износа уплотняющего слоя уменьшается степень сжатия компрессора. При резком увеличении режима избыток мощности на турбине превышает потребный и, по этой причине, рост оборотов опережает расчётный – возникают предпосылки для возникновения помпажа. Так и случилось.

Месяц в больнице, затем изнурительные упражнения по восстановлению организма. Иначе его могли списать.

* * *

Другое летное происшествие. В 1977 году в ЦК КПСС и Министерстве обороны наконец обратили внимание на высокую авиационную аварийность в строевых частях – в мирное время десятками теряли классных летчиков. Было принято специальное «Постановление по снижению аварийности». Одним из мероприятий в 5-ой Воздушной армии было показательное катапультирование для летчиков. Передо мной катапультированное кресло с модифицированной конструкцией. Командир стоит рядом и смотрит на меня.

– Ну что, Магомед, справимся? – спрашивает он, давая понять, что это не приказ, а просьба. – Между прочим, тебе известно, кто первым испытал катапульту у нас в стране. – Он смотрит на меня, желая сообщить что-то приятное. Я думаю, что это должен быть кто-то из моих знакомых. Мотаю головой. – Это твой земляк... – начинаю догадываться, о ком

пойдет речь – об Аметхане Султане. – Это легенда советской авиации Аметхан Султан.

Меня пробирает гордость.

– Хорошо, товарищ полковник, – говорю, – я прыгну, что бы ни случилось.

– Не сразу, Магомед, – отвечает командир. – Сначала надо изучить и проверить работу всех механизмов.

В следующие дни кресло разбирали и собирали несколько раз, а прыжок откладывали. В результате из-за нарастающего напряжения и суеты техник после очередного разбора устройства забыл одну маленькую деталь – не докрутил одну гайку.

«Я взлетаю на небольшую высоту, чтобы летчики на земле могли отчетливо видеть весь процесс, нажимаю на кнопку катапульты, слышу, как щелкнул пиропатрон. Вместе с тем мгновенно осознаю, что автомат отделения от кресла не сработал. Высота шестьсот метров. Внизу, задрав головы к небу, летчики ждут показательное мастерское катапультирование опытного летчика. Ничего не происходит. Я лихорадочно начинаю вручную отстыковывать кресло – на это уходит драгоценное время с потерей высоты. В результате на глазах публики мой парашют открывается на высоте двадцать метров. Удар о землю был такой силы, что у меня в глазах засверкали искры. За незначительное упущение я дорого заплатил своим здоровьем – повреждение позвоночника, грыжа, перелом переносицы, гематома и грыжа Шморля восьмого-двенадцати»

того отдела позвоночника. Лежа в больнице, я думал о полковнике и Аметхане Султане».

* * *

До аэродрома он доехал вовремя, как обещал Шефферу за полчаса до вылета на Байконур. В расстегнутой на груди гимнастерке, с шлемом в руке, зашел в кафе. Заказал кофе и сел за стол возле окна, не заметив, как двое с дальнего угла стали сверлить его взглядами. Один из них был его коллега по отряду космонавтов Юрий Шеффер, родом из Челябинска, который попал в отряд второго набора вместе с Магомедом.

Отбор был проблемный, потому что после череды смертей, которую средства информации прозвали «проклятием бурана», многие летчики, особенно суеверные, отказывались. Первый отбор был 500 человек на восемь мест, а второй был послабее: лишь самые уверенные в себе, самые целеустремленные дали согласие. Но и они не были из слабых.

Шеффер

Шеффер летал на тяжелом сверхзвуковом бомбардировщике с изменяемой геометрией крыла Ту-22М2. Как-то раз при посадке этого самолета на военную базу Белая под Иркутском отказал механизм выпуска предкрылков и закрылков. На командном пункте паника и приказ – катапультироваться: самолет с такой неисправностью не может сесть. Психология советского летчика – сколько потеряет страна, и Шеффер как настоящий человек принимает решение посадить самолет, несмотря на опасность для жизни. В итоге он успешно посадил неуправляемый самолет на взлетно-посадочную полосу. Специалисты стали изучать прием посадки и признали, что Шеффер открыл новую страницу в пилотировании тяжелых сверхскоростных бомбардировщиков.

Молодая девушка с белым фартуком с большим карманом отнесла Магомеду кофе и стала возвращаться к стойке. Юрий тихим голосом, приложив палец к губам, позвал:

– Настя!

Настя отклонилась от маршрута и подошла к столу, за которым сидел Юрий.

– Слушаю вас, Юрий Петрович, – элегантно движением руки она убрала повисшую на лбу копну волос за ухо.

– В шутку, милая, – проговорил Юрий. – Возьми, пожалуйста, чашку кофе вон у того молодого человека и принеси

сюда.

Девушка заулыбалась и бросила взгляд на Магомеда, который, не спеша, прикладывал губы к чашке. Она вернула улыбающееся лицо к Юрию, по достоинству оценив предстоящую реакцию хозяина чашки.

– Неприлично как-то, – сказала Настя, все еще улыбаясь.

– Ну, пожалуйста. Он какой-то грустный и непохожий на себя – он друзей не видит. Давай его расшевелим.

Девушка набралась смелости и зашагала к столу Магомеда. Она извинилась и под ошарашенным взглядом Магомеда с тактом подобрала чашку с недопитым кофе и унесла в другом направлении, на линии которого он увидел Шеффера, который улыбался, широко растянув рот. Магомед тоже засмеялся, первый раз с утра, встал и подошел к нему.

– Если Магомед не идет к горе, то гора должна пойти к Магомеду, – сказал Юрий, поднимаясь со стула, чтобы поздороваться. – Знакомься, это журналист из «Красной звезды» – Виктор. Он по собственной инициативе проводит расследование череды катастроф в нашем отряде.

– Толбоев! – воскликнул Виктор, протягивая руку, чтобы поздороваться еще раз. – Много слышал о вас: профессионал по посадке самолетов без двигателя!

– Не только, – вставил Юра, – покоритель неба. Когда он летит, аэродинамика молчит...

На столе пачка сигарет, ручка, бумаги и две рюмки, на дне которых поблескивает остаток водки.

– Не суди, брат, – сказал Юрий, когда увидел, что глаза Магомеда остановились на рюмках. – Устал как черт. Только что прилетел с дальних чужих берегов.

Магомед поднял левую руку и повернул к себе, чтобы посмотреть на часы – до вылета на Байконур у него еще оставались полчаса.

– От меня что нужно, Юрий? – спросил Магомед. – Я так понимаю, что, если расследование, то его должны проводить спецслужбы.

Великодушные морщинки вокруг глаз Юры сгустились – они с Виктором переглянулись.

– Только выслушать меня, говорить буду я, – сообщил Юра. – Тут что-то нечистое, Магомед. Кто-то хочет сорвать нашу программу – программу, на которую потрачены тринадцать лет огромного коллектива. Ты забыл стихотворение Чуговца после смерти Кононенко: «Кто следующий?..». У тебя и у меня есть семьи – я не хочу погибать. – Юрий нервно два раза пальцем ударил по столу.

За столом наступила тишина.

– Говоришь: только что прилетел? – спросил Магомед.

– У меня получилось как в анекдоте, – отшутился Юра и, глядя на Виктора, спросил. – Витя, ты слышал анекдот про летчиков дальней авиации?

– Нет.

– Так вот их поят специальными таблетками, чтобы они двадцать часов не хотели ни спать, ни есть, ни в туалет. А

потом все это настигает одновременно.

Виктор хохотнул.

– Надеюсь, у тебя все это уже позади, – сказал Магомед.

– Конечно, – сказал Юра. – Правда, домой еще не попал.

– Не получится у тебя, как в другом анекдоте про летчика? – спросил Магомед, желая продолжить тему, чтобы остаться на волне юмора.

У Виктора еще не сошла улыбка после первой шутки Юры. – Расскажи! – подбодрил Виктор.

– Жена летчика решила избавиться от гадкой кошки, – начал Магомед, – уложила ее в сумку и отпустила далеко от дома. Не успела прийти домой, а она тут как тут. На следующий день она ее унесла на работу. К вечеру кошка вернулась обратно. Тогда она попросила мужа-летчика отвезти ее далеко за город и спустить с небес. На следующий день жена, убитая тревожными ожиданиями, жалуется соседке: «Переживаю за мужа – кошка прибежала домой, а мужа до сих пор нет».

Трое мужиков в дальнем углу кафе захохотали так, что обратили на себя внимание. Шеффер только и делал вид, что смеялся, а внутри все сжалось от неизбежного ожидания очередной катастрофы.

– Для меня и «вчера» как «сегодня» – время так быстро летит, – произнес Юрий. – У меня такое ощущение, как будто мы только вчера хоронили лучших ребят из отряда, который уже прозвали «Волчьей стаей»: Виктора Букреева, Оле-

га Кононенко. Помнишь, Магомед, как Игорь Волк на поминках Олега сказал: «Извините, ребята: я не знал, что зову вас на смерть». – Юра перевел взгляд на официанта и сделал знак пальцами, что означало – еще чуть-чуть водки. – «Неизбежные потери», – пробубнил Юра. – Какого черта. Сегодня они, а завтра я. Надо что-то делать, но не знаю, что. Вот я изложил мое понимание вопроса – всю ночь не спал, пил кофе, курил сигареты и писал. Виктор, редактируй, корректируй и печатай, когда сможешь. Ценная информация. Когда получишь гонорар – с тебя ящик коньяка. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Виктор.

Шеффер сосредоточился, напряг зрение и начал читать:

– «Программа “Энергия – Буран” началась с провокационных действий американцев по «космическим гонкам». В середине семидесятых годов разведка Советского Союза вынюхала некоторые подробности американского супероружия космического базирования “Спейс шаттл”. В техническом описании челнока было написано, что он будет иметь большую возможность маневрирования, что позволит ему сделать над Москвой нырок из космоса и прицельно сбросить ядерную бомбу. Это оказалось не шуткой, и время доказало правильность такой версии: в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году в ходе обычного, на первый взгляд, полёта американский “Спейс шаттл”, уйдя с орбиты, совершил точный манёвр: развернувшись на высоте восемьдесят километров, нырнул в атмосферу планеты прямо над Москвой. Офицеры

советского ПВО, наблюдавшие за полетом шаттла, впали в ступор...

– Неужели? – удивленно спросил Устинов, когда ему доложили о возможностях американского шаттла.

– Да, – без эмоций подтвердил его помощник.

– Так он же таким образом может сбросить на наши головы ядерную бомбу, – предположил министр.

– Может, Дмитрий Федорович, – подтвердил помощник. – Может. И ни один наш самолет-перехватчик ничего не сумеет сделать, чтобы помешать ему. К тому же у челнока есть длинный манипулятор, с помощью которого он в состоянии прямо на орбите по кусочкам разобрать любой нужный спутник и, не спрашивая ни у кого разрешения, увезти секретное оборудование общей массой до 14,5 тонны домой в Америку.

Устинов побелел, очки сползли вниз по носу.

– Позови ко мне Максимова. Как мне об этом доложить Брежневу, я не знаю.

Тогда последовала категоричная реакция Леонида Брежнева, у которого не было привычки церемониться, если речь шла о безопасности страны: не дать американцам такого превосходства, хотя они в последнее время стали более мягкими и податливыми на переговорах по снижению градуса международной напряженности. Слова словами, а на деле нельзя давать американцам такое превосходство. Для поддержания мира всегда нужны были веские аргументы. После совещаний в Политбюро, консультаций с военными стратегами и

промышленностью в феврале 1976 года выходит постановление правительства о создании нашей отечественной многооразовой космической системы – “Энергия – Буран”. К этой разработке были подключены все ведущие космические организации: более тысячи НИИ, КБ, предприятий промышленности и около 1,5 миллиона человек. По данным печати, на программу “Буран” советский народ выделил в общей сложности 17 млрд. долларов США. Но что случилось дальше? Кто-то, зная, что ничего с программой не сделать, нашел слабое место в этой программе – убирать людей из списка отряда, который вскоре должен был взлететь в космос. Это были самые стойкие и опытные советские летчики, полные уверенности и патриотизма – восемь человек, отобранные по профессиональным и духовным качествам из пятисот кандидатов на место. В первую восьмёрку секретного отряда специального назначения вошли Олег Кононенко, Анатолий Левченко, Римантас Станкявичюс, Александр Щукин, Николай Садовников, Виктор Букреев и Александр Лысенко и, конечно, сам Игорь Волк, который был избран командиром, потому что он был лучшим.

Вскоре началось необъяснимое: список отряда для кого-то стал доступным и началась на них охота: одна за другой стали происходить авиакатастрофы, и начал таять отряд Волка. Комиссия ничего не выяснила, признав, что это был человеческий фактор, и отнесли это к неизбежным потерям. В Комитете государственной безопасности тоже развели ру-

ками – странное совпадение случайностей». – Юра сделал паузу и поднял голову: сначала посмотрел на Магомеда, потом на Виктора. – Правильно написал?

Юра пропустил еще одну рюмочку, чисто по-русски понюхал кусок хлеба и, осмотревшись по сторонам, чтобы никто не подслушал тайную беседу, вернулся к разговору:

– «Первой жертвой стал молодой летчик-испытатель Виктор Букреев, полный жизненных сил и энергии. Он родился 5 апреля 1949 года в городе Каменск-Уральский Свердловской области РСФСР. До службы в Советской Армии работал электрослесарем на заводе. В 1972 году окончил Армавирское высшее военное авиационное училище летчиков противовоздушной обороны. В 1976 году окончил Школу лётчиков-испытателей Лётно-исследовательского института Министерства авиационной промышленности. С июня 1976 года – на лётно-испытательной работе в ЛИИ имени М. М. Громова.

17 мая 1977 года, в солнечный весенний день, когда кругом все так красиво и так хочется радоваться жизни, он совершал на аэродроме в Жуковском тренировочный полет на МиГ-25ПУ. Еще не взлетев, прямо на полосе разбега у самолета сложилась носовая стойка шасси. В результате трения железа о бетон возник пожар. Букреев, сидевший в первой кабине, получил сильные ожоги и умер по дороге в госпиталь, и, что странно, – командир Э. Лебединский остался жив и невредим».

Юра поднял голову.

– Как вам?

– Странно, – ответил Виктор, положил ручку на стол и скрестил руки на груди.

– Следующий, – зачитал Юра. – Александр Лысенко.

«Буквально через месяц смерть нагнала его, опытного и отчаянного летчика-испытателя. Вместе с напарником Геннадием Мамонтовым он на МиГ-23УБ проводил испытание нового пилотажного прибора. Они сорвались в штопор в ненужный момент и ненужном месте – под ними был город, а прыгать нельзя. Через некоторое время, когда остановилось вращение, самолет опустил нос и, разгоняясь с большим углом пикирования, упал на землю за окраиной старого городка Егорьевска. Самолет упал на пустырь возле кирпичного завода на край карьера, откуда завод добывал глину. Недалеко росли русские березы, которых по-есенински любил и воспевал Саша. Напарник, который не имел никакого отношения к “Бурану”, выжил. Еще одна мистическая странность». – Юрий сделал паузу, глядя на Магомеда, который вновь стал напряженным.

Следующий – *Олег Кононенко*, – добавил Юрий. – Хочу на нем остановиться поподробнее и добавить немного лирики, потому что я его хорошо знал. Олег, ученик пятого класса ростовской школы вместе со своим младшим братом Петром сидел на крыше дома и считал бомбардировщиков, пролетающих с определенным интервалом над их головами. «Петя,

как думаешь, откуда они летят?» – поинтересовался Олег у брата, снедаемый желанием попасть на аэродром и коснуться рукой самолета. Это не давало ему покоя ни днем, ни ночью. Когда они вычислили, что это очень далеко, они поняли, что на это потребуется не один день пешего хода. Они отложили поход на первый день летних каникул.

Через несколько дней братья шальными окрестными тропами добрались до аэродрома, никого не спрашивая, как идти, потому что они боялись раскрыть другим свой секрет. Они все-таки добрались до аэродрома. Олег нашел лазейку в бокс и тихо подошел к самолету – его сердце замерло от восхищения. Механик чистил самолет с тряпкой в руке. А когда увидел рядом мальчуганов, удивился. «А ну брысь отсюда!», – механик пошел в наступление, подняв в воздух обе руки. Олег взмолился: «Дядя, пожалуйста, разрешите нам помочь вам почистить самолет».

Вот так Олег впервые коснулся железного, холодного тела самолета, что окончательно решило будущее мальчика. В 1952 году он поступил в летний техникум, параллельно пошел в аэроклуб, где начал изучать азы летного дела. В двадцать лет он работал инструктором аэроклуба, но желание летать томило его. Выбора нет, и он начинает летать на вертолетах: Ми-2, Ми-4, самолете У-2 «кукурузнике» по сельхозработам – так проходит семь лет. Он, чувствуя в себе талант летчика, хочет избавиться от рутины, но не знает, как. Он вскоре узнает у своего друга Шевченко о существовании

школы летчиков-испытателей. Олегу удалось пройти большой отборочный конкурс и поступить в эту школу. Но вот опять не то – школа оказалась вертолетной. Но ему повезло в том, что инструктором по летному делу оказался известный испытатель Карнаев, специалист по аппаратам вертикального взлета, а рядом шли испытания самолета вертикального взлета Як-36.

Спустя десяток лет, когда конструкторское бюро Яковлева выпустило первый образец палубного штурмовика Як-38, возникла проблема – никто из летчиков не мог держать самолет в воздухе. Долго думали и решили пригласить вертолетчика для испытаний. Так, в 1972 году, первым испытателем этого типа самолетов стал Олег: высокий, чуть сутулый, в демисезонном пальто и кроличьей шапке с опушенными ушами по кличке «студент». На тот момент ему было 34 года. Глядя на него, никто не мог подумать, что в этом человеке по кличке «студент» сидит ас летного искусства. С первого же раза он повис в воздухе как вертолет – конструкторы были счастливы, что оправдались их расчеты. Вот так они встретились: самолет, не похожий на самолет, и летчик, не похожий на летчика. Они заметили в нем талант испытателя, прекрасно разбирающегося в аэродинамике, динамике и управлении самолетом. Вот поэтому вертолетчики только ему доверяли самые сложные программы, такие как отказы двигателей на различных этапах полета, критические режимы при боевом маневрировании, посадки в сложных услови-

ях. Очень важен талант летчика, способность мгновенно реагировать на поведение аппаратов в воздухе. По словам его коллег, Олег отличался наблюдательностью и большой работоспособностью.

Он любил в свободное время писать письма домой, потому что знал, что его все время ждут.

«С работой у меня все нормально. В последнее время начал летать на самолетах. Но все время хочется домой – бегать на корточках по дому с сыном Олегом на спине, попивать чай, вкушать щи, радоваться жизни и смеяться от счастья».

Связь КБ с испытателем крепла, и новая машина шаг за шагом шла к серийности – мечта любого летчика-испытателя, и иногда они к ней идут всю жизнь: взлеты, падения, аварии, переломы, больницы и снова опять по новому кругу – такова безжалостная жизнь летчика-испытателя.

* * *

В Кубинке в 1973 году Брежнев лично с генералитетом присутствовал на демонстрации возможностей Як-38 и был в восторге от мастерства летчика.

– Кто это? – спросил Брежнев маршала Гречко. Брежнев был в белой сорочке без рукавов и галстук, и оттого казался худым, не похожим на настоящего Генсека с экрана телевизора...

– Это Олег Кононенко, – ответил маршал с гордостью. Он

был на голову выше всех. – Настоящий мастер своего дела. Были бы в армии все, такие как он.

– Позовите его ко мне, – приказал Генсек.

Олег Кононенко пожимал руку Генсека и с волнением смотрел в его улыбающиеся глаза, осененные широкими бровями, принимая от него именные часы с тридцатью драгоценными камнями, на которых был выгравировано: «От Брежнева».

* * *

Для увеличения боевой мощи самолета, особенно в южном полушарии, где высокие температуры воздуха убавляли его функциональные возможности, решили использовать короткий разбег по палубе и моментальное включение маршевого двигателя. И как тут опять обойтись без Кононенко – он из «студента» превратился в авторитетного и уверенного в себе учителя. Одно лишь его появление на палубе крейсера у летчиков вызывало восторг. Но к тому времени он был зачислен в отряд космонавтов Игоря Волка.

– Олег, ты никуда не поедешь, – сказал Волк. – Оставь свои опасные шутки. Там достаточно летчиков, чтобы справиться без тебя.

– Не могу, Игорь Петрович, – сказал Олег с грустью. – Раззуют, значит нужен и к тому же я это дело начал и должен довести до конца.

Волк прекрасно понимал Олега: любой летчик-испытатель должен, обязан дошлифовать аппарат и сдать. Он – конечное звено и решающее. Игорь Петрович промолчал и грустно попрощался с Олегом.

Декабрь 1979 года. «Голос Америки»: «сегодня в 13,00 в районе Владивостока потерпел крушение самолет-штурмовик вертикального взлета и посадки палубной авиации Советского Союза. О судьбе летчика ничего не известно...»

Лариса, жена Кононенко, взяла трубку разрывающегося телефона.

– Алло, Лариса, – раздался голос Олега. – Поставь чайник, я скоро буду дома.

Как только Лариса увидела мужа, ее радость исчезла: у Олега под глазом была синяя гематома, а когда он вошел в ванную, она ужаснулась – все тело было в синяках.

– Что с тобой, дорогой? – с ужасом в глазах спросила Лариса.

– Я катапультировался, – с застывшей мимикой произнес Олег. Он опустил голову – жена никогда не видела его таким убитым и растерянным.

В конце августа Олега вызвали на продолжение испытаний. Сын и жена провожали его в аэропорту. Жена на всю жизнь запомнила его открытую ладонь с растопыренными пальцами, прижатую к холодному стеклу с наружной стороны. Он попрощался с семьей, а в уголках глаз были слезы. Он тогда показался маленьким, беспомощным: чувствовал, ка-

ким-то образом знал, что он видит свою семью в последний раз.

8 сентября 1980 года, в 6 часов 13 минут по московскому времени, в Южно-Китайском море при взлете того же самолета с того же корабля при той же операции – отработке методики укороченного взлета на предельных режимах не переложились створки сопла подъемно-маршевого двигателя, самолет «просел», ударившись колесами об ограничительный брус. Выйдя за обрез палубы, самолет стал полого снижаться. Кононенко не катапультировался, до последнего пытаясь спасти самолет. Перед ударом о воду в 150 метрах впереди корабля бурлящими струями воды, поднятыми работающими двигателями, от самолета оторвало закрылок, машину крутануло на 180 градусов. Як-38 с номером 45 на борту еще минуту находился на плаву, но никаких движений в кабине не было. Сочетание боковой и вертикальной перегрузок вызвало у летчика внезапную потерю сознания, и поэтому катапультироваться он не смог. Он погиб и похоронен в Жуковском в одном ряду с товарищами.

* * *

При новом наборе в «волчью стаю» многие летчики отказывались идти в «проклятый “Буран”». Не смогли этого сделать Владимир Туровец, Виктор Заболоцкий, Урал Султанов, Магомед Толбоев, Сергей Тресвятский, Юрий Шеффер

и Юрий Приходько – они по-настоящему, с детства, болели космосом. Суеверие и слухи их не касались.

Обновленный состав отряда впервые собрался вместе на поминках по Олегу Кононенко.

Владимир Туровец

На поминках за небольшим столом в маленькой комнатке у членов отряда были мрачные лица. Волк таинственно молчал – его «стая» продолжала таять на глазах. *Владимир Туровец* развернул исписанный, помятый лист и зачитал стих, заканчивавшийся словами: «Кто будет следующий?» А следующим 8 февраля 1982 года Владимир Туровец оказался сам. Он вместе с Николаем Бессоновым отрабатывали «крайние» режимы посадки вертолета Ми-8. После трех благополучных режимов с обоими выключенными двигателям (на режимах авторотации с «подрывом») планировался режим на «малом газе». Четвертый режим оказался смертельным: вертолет упал с большим углом тангажа, развернулся и вспыхнул как спичка. Туровец погиб в пожаре в 13 часов 40 минут.

После смерти Туровца в отряде все авиакатастрофы вновь расследовала компетентная комиссия и никаких следов вмешательства иностранных спецслужб не нашли. Аварии признали случайностью и возобновили испытания.

Анатолий Левченко

В декабре 1987 года в космос отправился *Анатолий Левченко*. На землю он возвращался с членами экипажа станции «Мир» Юрием Романенко и Александром Александровым. Посадка проходила в сложных погодных условиях: в казахской степи свирепствовал буран. Спускаемый аппарат сильно ударился о землю, все космонавты получили ушибы. Но если Романенко и Александрова немедленно госпитализировали, Анатолию Левченко предстояло выполнить эксперимент по пилотированию самолета. Медики, прибывшие к месту приземления, рекомендуют космонавту прервать эксперимент, поскольку его состояние нестабильно. Но Левченко настоял на продолжении испытаний. Он успешно справляется с программой, которую уже прошел Игорь Волк, и удостоивается почетной награды – звезды Героя Советского Союза.

Но с того злосчастного дня космонавта начинают мучить сильнейшие головные боли. Он не смог долго сопротивляться болезни и умер. Официальная версия – смерть наступила в результате травм, полученных во время неудачной посадки спускаемого аппарата. А я придерживаюсь другой версии, по которой его отравили медикаментами, которые по программе он испытывал на борту космического корабля.

Александр Щукин

Шестым отряд потерял *Александра Щукина*. Он разбился в Жуковском на спортивном Су-26 в августе 1988-го.

На похоронах Щукина традиционный проход в небе над ним сделал Римантас Станкявичюс, который в разговоре со мной недавно признался, что чувствует за собой какую-то слежку...

Игорь Волк – особенная личность

Детство и юность

С двумя удочками из камыша и маленьким ведром для рыбы белобрысый мальчик подошел к пруду и расположился на выступе. Он не остался незамеченным двумя мужиками, которые ловили рыбу с самого утра: рядом с ними на дровах кипел обгоревший пузатый чайник. Через час мужики, надежные большим опытом, заметили, как быстро заполнялось карасем ведро незнакомого мальчика. Им стало интересно, и они, забыв про гордость, подошли к нему, чтобы узнать о чудачестве. Мальчик оторвал взгляд от водной глади, поднял темпераментные глаза и ответил на приветствие.

– Ты откуда, мальчик?

Мальчик подумал, что его могут попросить уйти отсюда, и

он насторожился, сжав кулаки, готовясь отстоять свое место.

– Я из города, – ответил он, дергая за удочки. – Мы недавно переехали сюда с Харькова.

– А как тебя зовут?

– Игорь, – ответил он, затем добавил. – Фамилия – Волк.

– А это что за шарики у тебя?

– Это из манной крупы, – ответил Игорь. – Я их помочил в керосине – рыба тянется на запах.

– Отец научил тебя этому?

– Нет, – отрицательно покачал головой Игорь. – Я искал и нашел одного опытного рыбака. Его зовут дядя Тёма. Он подсказал. – В воздухе послышался гул приближающегося самолета. Мальчик аж подскочил, забыв про удочки. Самолет с красными звездами под крыльями пролетел над их головами. Ошеломленный мальчик еще долго взглядом провожал самолет, пока не скрылся из виду. Он опустил голову.

– Это реактивный истребитель МиГ-15, – сказал он машинально по ходу своих мыслей, затем добавил, – он может летать со скоростью тыща километров в час. – Увидев равнодушие на лицах рыбаков, он умерил свое восхищение и опустил палец, направленный в небо. – Попробуйте керосин и у вас получится.

Мужики, вернувшись на свои места, продолжили обсуждение.

– Из вот таких вырастают герои, – сказал один. – Маленький еще, а уже самостоятельный. Не то, что мой Игорь, ло-

ботряс.

– Может он старше твоего по возрасту, – предположил другой.

Первый поднялся во весь рост, повернулся в сторону мальчика и громко спросил.

– Игорь, а сколько тебе лет?

– Девять.

Мужик взвил вверх брови и сжал губы.

– Слышал? А моему одиннадцать, – с сожалением произнес он. – Из этого, Лева, вырастет настоящий мужчина. Запомни его – Игорь Волк. Наливай!

* * *

Игорь родился 12 апреля 1937 года на Украине в городе Змиев Харьковской области. Его отец Петр был инженером и направлен на работу в Уссурийск Приморского края.

В 1941 году его семья задумала переехать поближе к родственникам, отправив контейнером все домашние вещи. И вдруг неожиданно 22 июня 1941 года – началась война. Контейнер ушел, а семья осталась на месте без личных вещей и домашней утвари – тарелок, чайника, с голыми кроватями, без стола и тумбочки. А отец ушел на фронт. Вот и пришлось Игорю с раннего детства взвалить на себя обязанности старших: рыбачить, собирать грибы, ягоды, чтобы помогать маме и выжить самому – «уличное» детство, которое закалило

его характер, от которого его мир и физическое состояние опередили его возраст.

В начале 50-х годов переехали в Курск. Мама Игоря часто болела, и хозяйство было на Игоре.

* * *

Урок физики заканчивался, когда в двери девятого класса зашли двое в армейской форме. Тот, кто постарше, извинился и попросил у учителя разрешение, чтобы обратиться к ученикам. Он стал ходить вдоль доски туда-сюда, сцепив руки на спине, прежде чем открыть рот.

– Мы из аэроклуба, учим ребят летать, – сказал он. – Мы сейчас формируем новую группу и если среди вас есть мужественные, смелые, которые хотели бы связать себя с авиацией, прошу поднять руки.

Рука Игоря взмыла вверх первой и то, как сильно хотел мальчик поступить в клуб, стало достаточным аргументом при отборе из десятка «смелых».

Игорь прибежал домой, чтобы обрадовать маму и объявить о своем решении: вступить в аэроклуб.

Мама закашляла, и кашель затянулся. Игорь тут же налил теплой воды в стакан и подал ей.

– Игорь. Я не хочу, чтобы ты стал военным, тем более летчиком, – вымолвила мать.

– Почему?

– Ты разве не слышал, как жаловался твой дядя на службу в армии?

– Он танкист и ему надоело нюхать солярку.

– А в самолетах что, не солярка?

– Нет, там керосин.

– Какая разница? Игорь загрустил.

– Запах знакомый, – пробубнил он, недвусмысленно напоминая о своей обязанности с самого детства: следить за керосиновой лампой и заправлять ее.

Мать опустила голову.

– Извини, сынок, – проронила мать, – многое из того, что по дому делаешь ты, должна делать я, но, как видишь, я болею и не в силах...

– Не надо извиняться, мама. Я не об этом.

– Ну, раз хочешь, иди – я не собираюсь всю жизнь напрягать тебя по дому, – сказала мама и тут же залилась новым кашлем. Теплая вода не помогала. Игорь не хотел идти в разрез с решением матери, но и счастливый подвернувшийся случай научиться управлять самолетом не желал упустить. Но воля мамы оказалась сильнее: по семейному совету Игорь направился в Харьковскую артиллерийскую академию имени Сталина. Начались экзамены, казарменная жизнь и строевой шаг. Новые знакомые, среди которых он нашел и единомышленников, которые, как и он, оказались в академии по воле родителей.

– Слава богу, остался один экзамен, – со вздохом произнес

новый знакомый Игоря абитуриент Дима.

Они находились на третьем этаже здания среди казарменной суеты.

– А мне все равно, – сказал Игорь. – Поступлю – плохо, не поступлю – тоже плохо.

– Это почему так?

– Я не хочу быть артиллеристом, если даже поступлю. Если не поступлю, не хочу расстроить маму. Я хочу летать на самолетах, Дима, – он просунул голову в окно и мечтательно глянул на небо. – Хочу парить среди облаков, хочу скользить над верхушками деревьев, хочу купаться в синеве неба. Ты один в небе свободный как птица...

– Я тоже хочу, – вторил ему Дима, вдохновившись гипнотическим притяжением слов. – Я тоже хочу. – Он тоже высунул голову в окно, и в этот момент до них донесся гул самолета. Он стал нарастать, и друзья одновременно увидели сверкающий в лучах солнца самолет, который летел прямо к ним. Через некоторое время самолет исчез над крышей здания и гул прекратился. Друзья с открытыми ртами застыли, глядя друг на друга.

– Все, я решил для себя окончательно, – твердо заявил Игорь. – Я отсюда слиняю.

Недолго разбираясь со своими мыслями, Дима тоже заявил:

– И я с тобой.

Два абитуриента с третьего этажа академии сиганули

вниз, а затем и со двора, ни сколько не думая о последствиях.

Игорь поступил в Курский аэроклуб ДОСААФ, его первый полет состоялся в апреле 1954 года, затем служба в Бакинском округе ПВО, но он хотел большего. Случайно узнав о существовании Школы летчиков-испытателей, воспользовавшись отпуском, он направился в Москву. В справочном бюро он получил на руки записку с домашним адресом Валентины Гризодубовой, начальника НИИ приборостроения, которая занималась подбором молодых летчиков для испытательной работы: Ленинградский проспект, дом 44. Его встречает мать Гризодубовой, пожилая женщина, которая тяжело передвигалась по квартире. Она его накормила, напоила чаем, и только потом спросила: «Какими судьбами?». Гризодубова пришла домой и была удивлена визитом незнакомца, Она, узнав, что ему всего лишь 21 год, сказала, что еще рано для испытательной работы. Но, по прошествии нескольких лет, 23 февраля 1963 года, она вместе с маршалом Савицким уговорила Командующего войсками ПВО демобилизовать Игоря с военной службы. Вот так он попал в ЛИИ. Гризодубова сказала, что она чувствует в Игоре нового Чкалова.

* * *

В здании управления полетами слышны лишь микрофонные механические команды на взлет и посадку. Аметхан раз-

говаривал с Гарнаевым, делясь впечатлениями об отпуске, но его взгляд был подсознательно прикован к взлетно-посадочной полосе, где только что виртуозно приземлился бомбардировщик – непонятный почерк.

– Кто это? – спросил Аметхан Гарнаева. – Красиво сел.

Гарнаев повернулся и, увидев Ил-6, произнес:

– Это новичок, подающий большие надежды. Но в коллектив не вписался.

– Почему? – спросил Аметхан.

– Не знаю, мне тоже интересно. Сейчас он заглянет сюда и обязательно спросит вот эти слова, – он что-то нацарапал на отрезке листа и протянул товарищу.

– Товарищ майор, бесплатные полеты есть?

Аметхан раскрыл лист бумаги, глянул на Гарнаева, растянул тонкие губы, подняв вверх дугообразные брови, и улыбнулся.

Игорь, почувствовав, что попал впросак, покраснел: перед ним сидели легенды советской авиации. Он перевел взгляд на Аметхана.

– Не узнал? – спросил Гарнаев.

– Аметхан? – с восхищением выпалил Игорь. Он сделал два шага и за руку поздоровался с летчиком, который в Великую Отечественную войну сбил 49 самолетов противника. Дважды Герой Советского Союза. Легенда. – Очень рад видеть вас.

– Я тоже, – произнес Аметхан. – Садись к чаю – летать

еще успеешь. Окунулся в работу?

– Да, уже макнули.

Смех.

– И все-таки, за что тебя недолюбливают в коллективе? – с иронией спросил Гарнаев.

Игорь засмеялся.

– Я не знаю.

– А тебя это не задевает?

– Нет.

– Игорь, а тебе самому нравится Игорь Волк? – спросил Гарнаев.

– Нет, – ответил Игорь, помотав головой. – Вечно залетаю в какие-то истории. Вечно хочу чего-то большего. У меня не так, как у других, Юрий Александрович.

Гарнаев рассмеялся и положил свою тяжелую руку на плечо Игоря.

– Всеми хитростями я быстро овладел всеми самолетами, которые у нас есть. У плановика полетов первое, что я спрашиваю, есть ли бесплатные полеты. На эту работу охотников находится мало. Некоторые летчики заваливаются спать, а к сапогам прикрепляют записку: «Меньше 1000 рублей за полет не будить!». И я эти бесплатные полеты забираю себе. Что положено по полетному листу выполняю, а потом отрабатываю то, чего мне не хватало. Через какое-то время мой начальник начинает интересоваться этим вопросом: «Чего это? Что-то подозрительно! Что-то здесь не так. Запре-

тить!».

Но много было таких полетов, когда товарищи летчики утверждали, что этого сделать невозможно. А я считаю, что возможно – дожидаюсь, когда они или выпьют, или насморк схватят, и в этот момент успеваю сделать то, о чем они говорили, что это невозможно.

– Пример можешь привести? – спросил Аметхан.

– Сколько хотите, – сказал Игорь. – Во время испытаний бомбардировщика надо было подлететь к нему на истребителе с кинооператором и произвести съемку с близкого расстояния. В одном месте возникали непонятные вибрации, и на обшивку самолета наклеили ленточки. Надо было зафиксировать, в какую сторону они отклоняются под воздействием потока. Девять полетов были безуспешными, но я это сделал в первом же полете. Или, например, говорили, что на сверхзвуке заправляться в воздухе невозможно. Заправочный конус таскали за Су-7, а для имитатора танкера сделали самый неудачный выбор – Су-15, у которого избыток тяги на этом режиме минимальный. Если подходить к конусу медленно, то, конечно, это было невозможно. Нужно было очень точно, практически мгновенно подойти к конусу. Я это сделал. И что, вы думаете, за это меня полюбили?

– Ты молодец, Игорь, – с восхищением произнес Аметхан. – Я всегда буду на твоей стороне. Продолжай гневать нерадивых – небо любит смелых и трудолюбивых. Вопросы возникнут – подходи, помогу чем смогу. – Игорь видел чер-

ные выразительные глаза, прямой нос и волевой подбородок с ямочкой посередине и думал, что не одинок в большом коллективе испытателей в борьбе за небо – ему хотелось в полетах быть похожим на него: хладнокровным, дерзким и рискованным. – И запомни, – продолжил он, – конструкторы только предполагают, а испытатели – подтверждают и открывают новые возможности для их фантазий. И, к сожалению, это делает наших братьев по крылу расходным материалом. Поэтому, Игорь, я одобряю твое стремление к опыту. Опыт рождает интуицию, а интуиция как сила небесная может спасти нас из любой непредвиденной ситуации. К тому же, потом это может стать правилом для других. Понимаешь?

– Спасибо.

Ирак

– О, Игорь Петрович! Проходите, проходите, – сказал аппаратчик ЦК с лысеющей головой и с лицом кабинетного цвета. – У нас проблема возникла и только ты можешь помочь.

Игорь молча ждал, пока старик скажет, зачем он ему понадобился.

– Вчера в Ираке разбился Су-7, – сказал он скорбным голосом. – Миллиардный контракт в опасности, Игорь, – арабы могут отказаться от наших самолетов. Езжай туда и сделай все возможное, но вернись живым.

– Понятно.

– Кстати, что за проблема была у тебя в парткоме и что за беспилотные посадки?

– Это длинная история, Михаил Иванович, – сказал Игорь со вздохом. – На Су-9 при плохой погоде на аэродроме и хорошей в зоне полетов я испытывал систему автоматического управления в режиме следования рельефу местности. Когда я вышел в зону, то засек, на каком удалении от аэродрома начиналась приемлемая погода. Выполнил полетное задание, но когда набрал высоту, узнаю, что ветер эти облака снес на семьдесят км, и оказалось, что у меня не хватает топлива до аэродрома. Ну, думаю все – приехал: двигатель остановился. Я принял решение все-таки садиться. Вывалившись из облаков на высоте триста метров при вертикальной скорости семьдесят метров в секунду, взял ручку на себя и обнаружил, что сажусь подо мною на правое крыло другого самолета. Нужно было видеть лицо летчика Якова Ильича Верникова, когда он понял, что до катастрофы осталось три секунды. Жалко, фотоаппарата не было. У меня скорости уже нет, даю ручку вправо, ногу вправо, от «Ила» отворачиваю, иду прямо на вышку и вижу, как с нее солдат с ружьем прыгает. Отворачиваю влево, скорости нет, касаюсь правым колесом запасной полосы и на одном колесе больше ста пятидесяти метров качусь. Слава богу, самолет на второе колесо опустился. После полета летчик «Ила» меня расцеловал, но от начальства я получил, что положено, выпил стаканчик

спирта и сам себе сказал: если ты, чудак, на таком самолете и в таких условиях смог совершить посадку без двигателя, то это можно делать сознательно.

Летчики-испытатели по графику обязаны тренироваться посадке без двигателя, но в ясную погоду, когда полоса видна. А я проделывал это в облачную погоду и поставил галочку о том, что произвел посадку с имитацией посадки без двигателя. Меня тут же вызывают на партийное бюро: «Как так, коммунист, летчик Летно-исследовательского института! Посмотрите, какая погода, а он галочку поставил!». Я говорю: «Товарищи члены партийного бюро, у нас есть самолеты с двойным управлением. Пожалуйста, выбирайте самолет, выбирайте погоду, я к вашим услугам!».

Слетал со мной начальничек, говорит: «Это случайно получилось». Но после этого по вредности характера каждый испытательный полет на любом типе самолета я заканчивал имитацией посадки без двигателя. Двигатель не выключал, но достаточно это делать на режиме малого газа, получается почти одно и то же. Я разучился сажать самолеты по инструкции.

На суровом лице партийца засветилась улыбка.

– Счастливо, Игорь Петрович. Берегите себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.